

84p6
A72

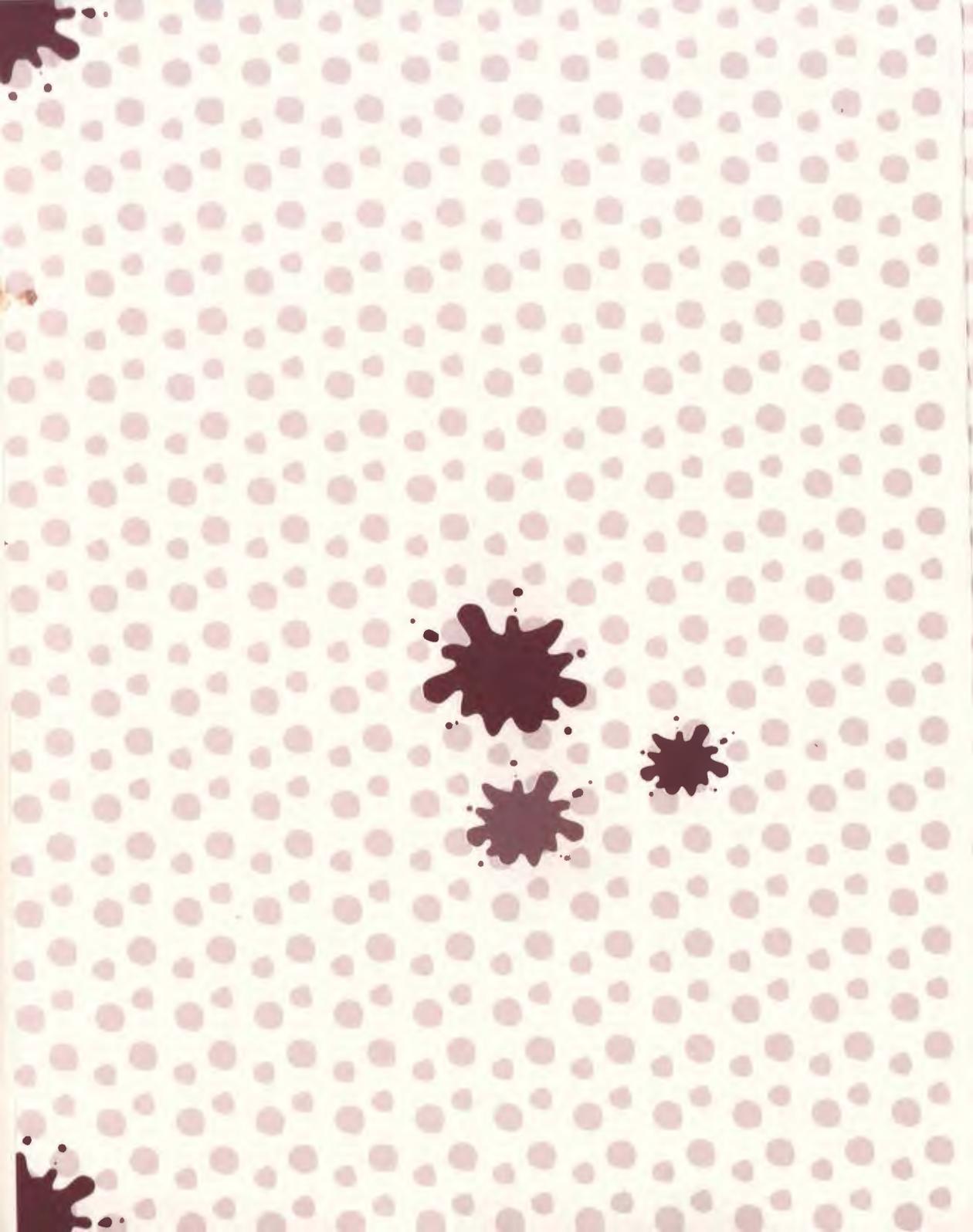

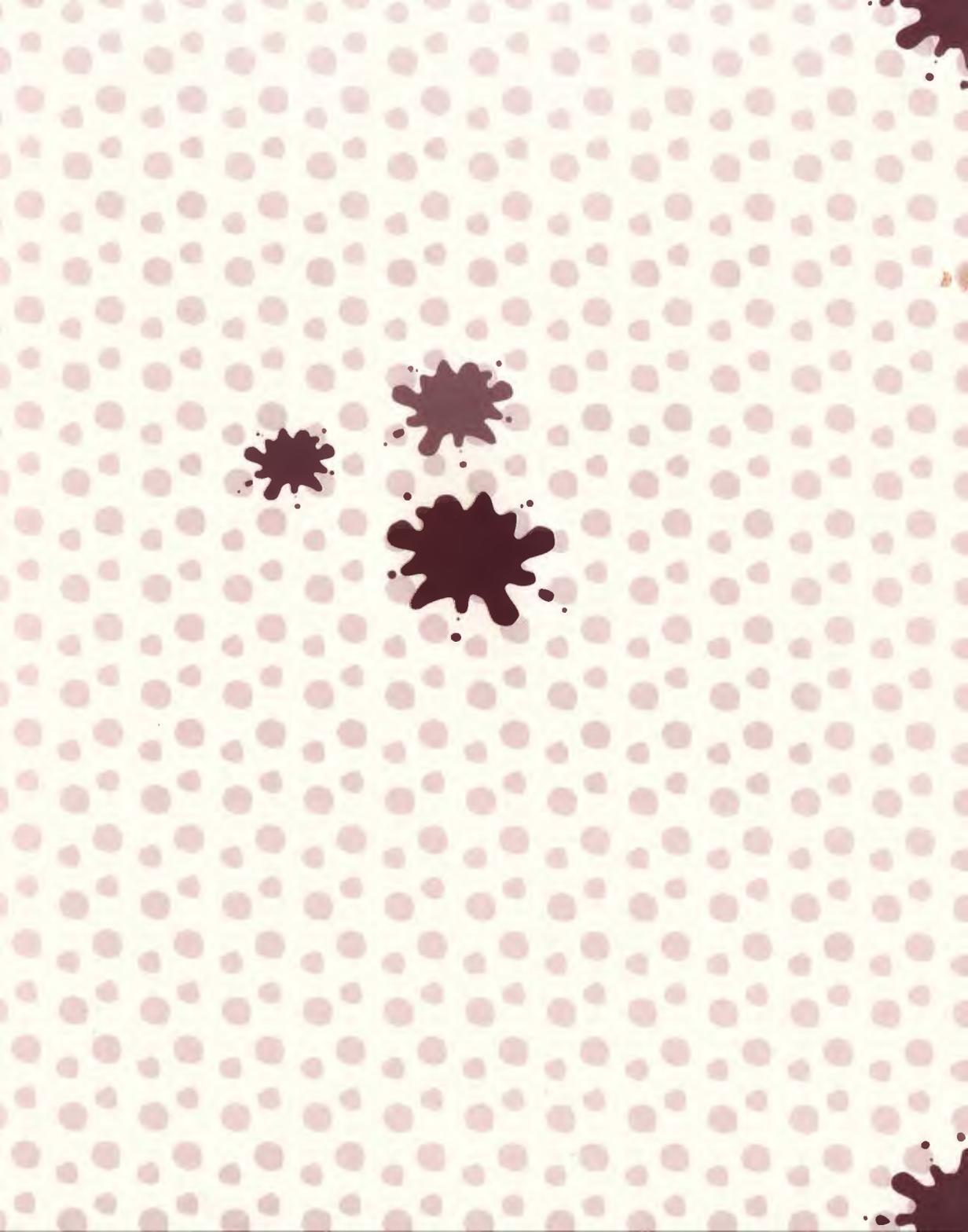
Виктор
Драгунский

Папа, мама и я

Виктор Драгунский

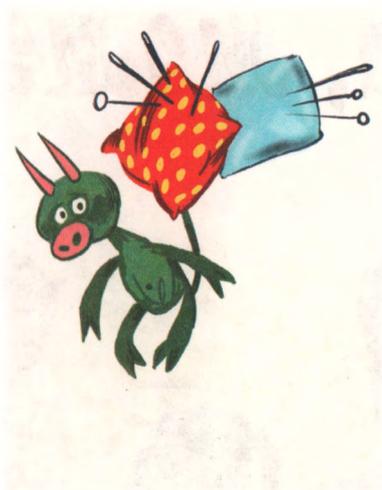
Папа, мама и я

Художник А. Шевченко

Москва
ЭНАС-КНИГА
2016

УДК 82-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)
Д72

ISBN 978-5-91921-363-5

© В. Драгунский, наследники. Текст, 2016
© А. Шевченко. Иллюстрации, 2016
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2016

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

– ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

– А это значит, что, если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесёт наказание, – сказала мама. – Понял?..
Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится

явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:

– Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

– Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется,

почти всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверное, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! – и она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте! – и подошёл к окну и поглядел вниз. – А ещё интеллигентный человек.

– Что вам нужно? – строго спросила мама.

– Как не стыдно! – милиционер даже стал по стойке смирно. – Государство предоставляет вам новое жилье, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

– Не клеветайте. Ничего я не выливаю!

– Ах, не выливаете?! – язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: – Пострадавший!

И к нам вошёл какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе – наша каша. Она лежала почти в середине шляпы,

в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал заикаться:

– Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжёт... Как же я пошлю свое... фф... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

– Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

– Да.

Надо иметь чувство юмора

Один раз мы с Мишкой делали уроки. Мы положили перед собой тетрадки и списывали. И в это время я рассказывал Мишке про лемуров, что у них большие глаза, как стеклянные блюдечки, и что я видел фотографию лемура, как он держится за авторучку, сам маленький-маленький и ужасно симпатичный.

Потом Мишка говорит:

– Написал?

Я говорю:

– Уже.

– Ты мою тетрадку проверь, – говорит Мишка, – а я – твою.

И мы поменялись тетрадками.

И я как увидел, что Мишка написал, так сразу стал хохотать.

Гляжу, а Мишка тоже покатывается, прямо синий стал.

Я говорю:

– Ты чего, Мишка, покатываешься?

А он:

– Я покатываюсь, что ты неправильно списал! А ты чего?

Я говорю:

– А я то же самое, только про тебя. Гляди, ты написал: «Наступили мозы». Это кто такие – «мозы»?

Мишка покраснел:

– Мозы – это, наверное, морозы. А ты вот написал: «Натала зима». Это что такое?

– Да, – сказал я, – не «натала», а «настала». Ничего не попишешь, надо переписывать. Это всё лемуры виноваты.

И мы стали переписывать. А когда переписали, я сказал:

– Давай задачи задавать!

– Давай, – сказал Мишка.

В это время пришёл папа. Он сказал:

– Здравствуйте, товарищи студенты...

И сел к столу.

Я сказал:

– Вот, папа, послушай, какую я Мишке задам задачу: вот у меня есть два яблока, а нас трое, как разделить их среди нас поровну?

Мишка сейчас же надулся и стал думать. Папа не надулся, но тоже задумался. Они думали долго.

Я тогда сказал:

– Сдаёшься, Мишка?

Мишка сказал:

– Сдаюсь!

Я сказал:

– Чтобы мы все получили поровну, надо из этих яблок сварить компот, – и стал хохотать: – Это меня тётя Мила научила!..

Мишка надулся ещё больше. Тогда папа сощурил глаза и сказал:

– А раз ты такой хитрый, Денис, дай-ка я задам тебе задачу.

– Давай задавай, – сказал я.

Папа ходил по комнате.

– Ну слушай, – сказал папа. – Один мальчишка учится в первом классе «В». Его семья состоит из пяти человек. Мама встаёт в семь часов и тратит на одевание десять минут. Зато папа чистит зубы пять минут. Бабушка ходит в магазин столько, сколько мама одевается плюс папа чистит зубы. А дедушка читает газеты, сколько бабушка ходит в магазин минус во сколько встаёт мама. Когда они все вместе, они начинают будить этого мальчишку из первого класса «В». На это уходит время чтения дедушкиных газет плюс бабушкино хождение в магазин. Когда мальчишка из первого класса «В» просыпается, он потягивается столько времени, сколько одевается мама плюс папина чистка зубов. А умывается он, сколько дедушкины газеты, делённые на бабушку. На уроки он опаздывает на столько минут, сколько потягивается плюс умывается минус мамино

вставание, умноженное на папины зубы. Спрашивается: кто же этот мальчишка из первого «В» и что ему грозит, если это будет продолжаться? Всё!

Тут папа остановился посреди комнаты и стал смотреть на меня. А Мишка захохотал во всё горло и стал тоже смотреть на меня. Они оба на меня смотрели и хохотали.

Я сказал:

– Я не могу сразу решить эту задачу, потому что мы ещё этого не проходили.

И больше я не сказал ни слова, а вышел из комнаты, потому что я сразу догадался, что в ответе этой задачи получится «лентяй» и что такого скоро выгонят из школы.

Я вышел из комнаты в коридор и залез за вешалку и стал думать, что если это задача про меня, то это неправда, потому что я всегда встаю довольно быстро и потягиваюсь совсем недолго, ровно столько, сколько нужно. И ещё я подумал, что если папе так хочется на меня выдумывать, то пожалуйста, я могу уйти из дома прямо на целину. Там работа всегда найдётся, там люди нужны, особенно молодёжь. Я там буду покорять природу, и папа приедет с делегацией на Алтай, увидит меня, и я остановлюсь на минутку, скажу:

«Здравствуй, папа», – и пойду дальше покорять.

А он скажет:

«Тебе привет от мамы...»

А я скажу:

«Спасибо... Как она поживает?»

А он скажет:

«Ничего».

А я скажу:

«Наверное, она забыла своего единственного сына?»

А он скажет:

«Что ты, она похудела на тридцать семь кило! Вот как скушает!»

А что я ему скажу дальше, я не успел придумать, потому что на меня упало пальто и папа вдруг прилез за вешалку. Он меня увидел и сказал:

– Ах, вот ты где! Что у тебя такие печальные глаза? Неужели ты принял эту задачу на свой счёт?

Он поднял пальто и повесил на место, и сказал дальше:

– Я это всё выдумал. Такого мальчишки и на свете-то нет, не то что в вашем классе!

И папа взял меня за руки и вытащил из-за вешалки. Потом ещё раз поглядел на меня пристально и улыбнулся:

– Надо иметь чувство юмора, – сказал он мне, и глаза у него стали весёлые-весёлые. – А ведь это смешная задача, правда? Ну! Засмейся!

И я засмеялся.

И он тоже.

И мы пошли в комнату.

Рыцари

Когда репетиция хора мальчиков окончилась, учитель пения Борис Сергеевич сказал:

– Ну-ка расскажите, кто из вас что подарил маме на Восьмое марта? Ну-ка ты, Денис, докладывай.

– Я маме на Восьмое марта подарил подушечку для иглол. Красивую. На лягушку похожа. Три дня шил, все пальцы исколол. Я две такие сшил.

А Мишка добавил:

– Мы все по две сшили. Одну – маме, а другую – Раисе Ивановне.

– Это почему же все? – спросил Борис Сергеевич. – Вы что, так сговорились, чтобы всем шить одно и то же?

– Да нет, – сказал Валерка, – это мы в кружке «Умелые руки» подушечки проходим. Сперва проходили чёртиков, а теперь подушечки.

– Каких ещё чёртиков? – удивился Борис Сергеевич.

Я сказал:

– Пластилиновых! Наши руководители Володя и Толя из восьмого класса полгода с нами чёртиков проходили. Как придут, так сейчас: «Лепите чёртиков!» Ну, мы лепим, а они в шахматы играют.

– С ума сойти, – сказал Борис Сергеевич. – Подушечки! Придётся разобраться! Стойте! – и он вдруг весело рассмеялся. – А сколько у вас мальчишек в первом «В»?

– Пятнадцать, – сказал Мишка, – а девочек – двадцать пять.

Тут Борис Сергеевич прямо покатился со смеху. А я сказал:

– У нас в стране вообще женского населения больше, чем мужского.

Но Борис Сергеевич отмахнулся от меня.

– Я не про то. Просто интересно посмотреть, как Раиса Ивановна получает пятнадцать подушечек в подарок! Ну ладно, слушайте: кто из вас собирается поздравить своих мам с Первым мая?

Тут пришла наша очередь смеяться. Я сказал:

– Вы, Борис Сергеевич, наверное, шутите, не хватало ещё и на май поздравлять.

– А вот и неправильно, именно что необходимо поздравить с маем своих мам. А это некрасиво: только раз в году поздравлять. А если каждый праздник поздравлять – это будет по-рыцарски. Ну, кто знает, что такое рыцарь?

Я сказал:

– Он на лошади и в железном костюме.

Борис Сергеевич кивнул.

– Да, так было давно. И вы, когда подрастёте, прочтёте много книжек про рыцарей, но и сейчас, если про кого говорят, что он рыцарь, то это, значит, имеется в виду благородный, самоотверженный и великодушный человек. И я думаю, что каждый пионер должен обязательно быть рыцарем. Поднимите руки, кто здесь рыцарь?

Мы все подняли руки.

– Я так и знал, – сказал Борис Сергеевич, – идите, рыцари!

Мы пошли по домам. А по дороге Мишка сказал:

– Ладно уж, я маме конфет куплю, у меня деньги есть.

И вот я пришёл домой, а дома никого нету. И меня даже досада взяла. Вот в кои-то веки захотел быть рыцарем, так денег нет! А тут, как назло, прибежал Мишка,

в руках нарядная коробочка с надписью: «Первое мая». Мишка говорит:

– Готово, теперь я рыцарь за двадцать две копейки. А ты что сидишь?

– Мишка, ты рыцарь? – сказал я.

– Рыцарь, – говорит Мишка.

– Тогда дай займы.

Мишка огорчился:

– Я всё истратил до копейки.

– Что же делать?

– Поискать, – говорит Мишка, – ведь двадцать копеек – маленькая монетка, может, куда завалилась хоть одна, давай поищем.

И мы всю комнату облазили – и за диваном, и под шкафом, и я все туфли мамины перетряхнул, и даже в пудре у неё пальцем поковырял. Нету нигде.

Вдруг Мишка раскрыл буфет:

– Стой, а это что такое?

– Где? – говорю я. – Ах, это бутылки. Ты что, не видишь? Здесь два вина: в одной бутылке – чёрное, а в другой – жёлтое. Это для гостей, к нам завтра гости придут.

Мишка говорит:

– Эх, пришли бы ваши гости вчера, и были бы у тебя деньги.

– Это как?

– А бутылки, – говорит Мишка, – да за пустые бутылки деньги дают. На углу. Называется «Приём стеклотары»!

– Что же ты раньше молчал! Сейчас мы это дело уладим. Давай банку из-под компота, вон на окне стоит.

Мишка протянул мне банку, а я открыл бутылку и вылил черновато-красное вино в банку.

– Правильно, – сказал Мишка. – Что ему сделается?..

– Ну конечно, – сказал я. – А куда вторую?

– Да сюда же, – говорит Мишка, – не всё равно?

И это вино, и то вино.

– Ну да, – сказал я. – Если бы одно было вино, а другое керосин, тогда нельзя, а так, пожалуйста, ещё лучше. Держи банку.

И мы вылили туда и вторую бутылку.

Я сказал:

– Ставь её на окно! Так. Прикрой блюдечком, а теперь ^Ф бежим!

И мы припустились. За эти две бутылки нам дали двадцать четыре копейки. И я купил маме конфет. Мне ещё две копейки сдачи дали. Я пришёл домой весёлый, потому что я стал рыцарем, и, как только мама с папой пришли, я сказал:

– Мам, я теперь рыцарь. Нас Борис Сергеевич научил!

Мама сказала:

– Ну-ка расскажи!

Я рассказал, что завтра я маме сделаю сюрприз. Мама сказала:

– А где же ты денег достал?

– Я, мам, пустую посуду сдал. Вот две копейки сдачи.

Тут папа сказал:

– Молодец! Давай-ка мне две копейки на автомат!

Мы сели обедать. Потом папа откинулся на спинку стула и улыбнулся:

– Компотику бы.

– Извини, я сегодня не успела, – сказала мама.

Но папа подмигнул мне:

– А это что? Я давно уже заметил.

И он подошёл к окну, снял блюдечко и хлебнул прямо из банки. Но тут что было! Бедный папа кашлял так, как будто он выпил стакан гвоздей. Он закричал не своим голосом:

– Что это такое? Что это за отрава?!

Я сказал:

– Папа, не пугайся! Это не отрава. Это два твоих вина!

Тут папа немножко пошатнулся и побледнел.

– Какие два вина?! – закричал он громче прежнего.

– Чёрное и жёлтое, – сказал я, – что стояли в буфете. Ты, главное, не пугайся.

Папа побежал к буфету и распахнул дверцу. Потом он заморгал глазами и стал растирать себе грудь. Он смотрел на меня с таким удивлением, будто я был не обыкновенный мальчик, а какой-нибудь синенький или в крапинку. Я сказал:

– Ты что, папа, удивляешься? Я вылил твои два вина в банку, а то где бы я взял пустую посуду? Сам подумай!

Мама вскрикнула:

– Ой!

И упала на диван. Она стала смеяться, да так сильно, что я думал, ей станет плохо. Я ничего не мог понять, а папа закричал:

– Хохочете? Что ж, хохочите! А между прочим, этот ваш рыцарь сведёт меня с ума, но лучше я его раньше выдеру, чтобы он забыл раз и навсегда свои рыцарские манеры.

И папа стал делать вид, что он ищет ремень.

– Где он? – кричал папа. – Подайте мне сюда этого Айвенго! Куда он провалился?

А я был за шкафом. Я уже давно был там на всякий случай. А то папа что-то сильно волновался. Он кричал:

– Слыханное ли дело – выливать в банку коллекционный чёрный «Мускат» урожая 1954 года и разбавлять его жигулёвским пивом?!

А мама изнемогала от смеха. Она еле-еле проговорила:

– Ведь это он... из лучших побуждений... Ведь он же... рыцарь... Я умру от смеха.

И она продолжала смеяться.

А папа ещё немного пометался по комнате и потом ни с того ни с сего подошёл к маме. Он сказал:

– Как я люблю твой смех.

И наклонился и поцеловал маму.

И я тогда спокойно вылез из-за шкафа.

Друг детства

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далёкие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далекий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

– Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот

Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверное, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я всё это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга – просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку,

и тут они колотили уже тяжёлую кожаную «грушу» – такой продолговатый тяжёлый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на всё на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать в случае чего.

Я сказал папе:

– Папа, купи мне грушу!

– Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

– Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксёрскую грушу!

– А тебе зачем? – сказал папа.

– Тренироваться, – сказал я. – Потому что я буду боксёром и буду всех побивать. Купи, а?

– Сколько же стоит такая груша? – поинтересовался папа.

– Пустяки какие-нибудь, – сказал я. – Рублей десять или пятьдесят.

– Ты спятил, братец, – сказал папа. – Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошёл на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

– Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетёную корзинку; в ней были сложены старые

игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на верёвочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлапкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много ещё разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

– Вот. Это тот самый, что тебе тётя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Ещё лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут её позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный – жёлтый стеклянный, а другой

большой белый – из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдаётся...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал,

и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеётся разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

– Ты что, – сказала мама, она уже вернулась из коридора. – Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слёзы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

– Ты о чём, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксёром.

Гусиное горло

Когда мы сели обедать, я сказал:

– А я сегодня в гости пойду. К Мишке. На день рождения.

– Ну да? – сказал папа. – Сколько же ему стукнуло?

– Девять, – ответил я. – Ему девять лет, папа, стукнуло. Теперь десятый год пошёл.

– Как бежит время, – вздохнула мама. – Давно ли он лежал на подоконнике в ящичке от комода, а вот пожалуйста, уже девять лет!

– Ну что ж, – разрешил папа, – сходи, поздравь юбиляра. Ну-ка, расскажи, а что ты подаришь своему дружку в этот памятный день?

– Есть подарочек, – сказал я, – Мишка будь здоров обрадуется...

– Что же именно? – спросила мама.

– Гусиное горло! – сказал я. – Сегодня Вера Сергеевна гуся потрошила, и я у неё выпросил гусиное горло, чтобы Мишке подарить.

– Покажи, – сказал папа.

Я вытащил из кармана гусиное горло. Оно было уже вымытое, очищенное, прямо загляденье, но оно было ещё сыроватое, недосушенное, и мама вскочила и закричала:

– Убери сейчас же эту мерзость! Ужас!

А папа сказал:

– А зачем оно нужно? И почему оно скользкое?

– Оно ещё сырое. А я его высушу как следует и сверну в колечко. Видишь? Вот так.

Я показал папе. Он смотрел внимательно.

– Видишь? – говорил я. – Узкую горловину я всуну в широкую, брошу туда горошинок штук пять, оно когда высохнет, знаешь как будет греметь! Первый сорт!

Папа улыбнулся:

– Ничего подарочек... Ну-ну!

А я сказал:

– Не беспокойся. Мишке понравится. Я его знаю.

Но папа встал и подошёл к вешалке. Он там порылся в карманах.

– На-ка, – он протянул мне монетки, – вот тебе немного денег. Купи Мишке конфет. А это от меня добавка. – И папа отвинтил от своего пиджака чудесный голубой значок «Спутник».

Я сказал:

– Ура! Мишка будет на седьмом небе. У него теперь от меня целых три подарка. Значок, конфеты и гусиное горло. Это всякий бы обрадовался!

Я взял гусиное горло и положил его на батарею досушиваться. Мама сказала:

– Вымой руки и ешь!

И мы стали дальше обедать, и я ел рассольник и потихоньку стонал от удовольствия. И вдруг мама положила ложку и сказала ни с того ни с сего:

– Прямо не знаю, пускать его в гости или нет?

Вот тебе раз! Гром среди ясного неба!

Я сказал:

– А почему?

И папа тоже:

– В чём дело-то?

– Он нас там опозорит. Он совершенно не умеет есть. Стонет, хлебает, ложкой везёт... Кошмар!

– Ничего, – сказал я. – Мишка тоже стонет, ещё лучше меня.

– Это не оправдание, – нахмурился папа. – Нужно есть прилично. Мало тебя учили?

– Значит, мало, – сказала мама.

– Ничему не учили, – сказал я. – Я ем как бог на душу положит. И ничего. Довольно здорово получается. А чему тут учить-то?

– Нужно знать правила, – сказал папа строго. – Ты знаешь? Нет. А вот они: когда ешь, не чавкай, не причмокивай, не дуй на еду, не стони от удовольствия и вообще не издавай никаких звуков при еде.

– А я не издаю! Что, издаю, что ли?

– И никогда не ешь перед обедом хлеб с горчицей! – воскликнула мама.

Папа ужасно покраснел. Ещё бы! Он недавно съел перед обедом, наверное, целое кило хлеба с горчицей. Когда мама принесла суп, оказалось, что у неё уже нет хлеба, папа весь съел, и мне пришлось бежать в булочную за новым. Вот он теперь и покраснел, но промолчал. А мама продолжала на него смотреть и всё говорила беспощадным голосом. Она говорила как будто бы мне, но папе от этого было не по себе. И мне тоже. Мама столько наговорила, что я просто

ужаснулся. Как же теперь жить? Того нельзя, этого нельзя!

– Не роняй вилку на пол, – говорила мама. – А если уронил, сиди спокойно, не становись на четвереньки, не ныряй под стол и не ползай там полчаса. Не барабань пальцами по столу, не свисти, не пой! Не хохочи за столом! Не ешь рыбу ножом, тем более если ты в гостях.

– А это вовсе не рыба была, – сказал папа, и лицо у него стало какое-то виноватое, – это были обыкновенные голубцы.

– Тем более, – мама была неумолима. – Ещё чего придумали, голубцы – ножом! Ни голубцы, ни яичницу не едят ножом! Это закон!

Я ужасно удивился:

– А как же голубцы есть без ножа?

Мама сказала:

– А так же, как и котлеты. Вилочкой, и всё.

– Так ведь останется же на тарелке! Как быть?

Мама сказала:

– Ну и пусть останется!

– Так ведь жалко же! – взмолился я. – Я, может быть, ещё не наелся, а тут осталось... Нужно доесть!

Папа сказал:

– Ну доедай, чего там!

Я сказал:

– Вот спасибо.

Потом я вспомнил ещё одну важную вещь:

– А подливу?

Мама обернулась ко мне.

– Что подливу? – спросила она.

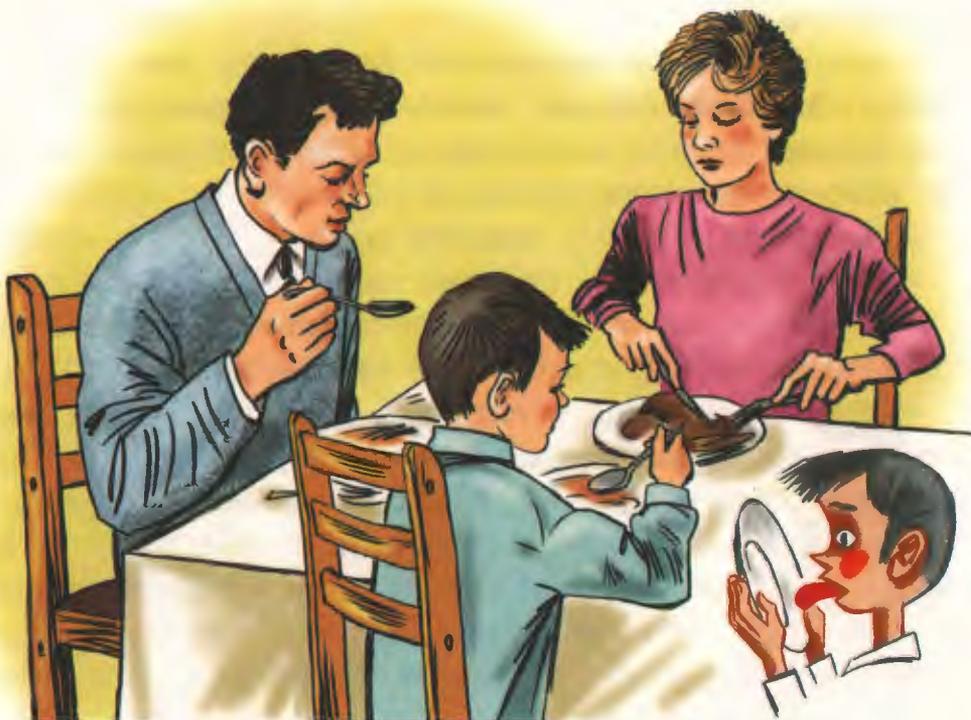
– Вылизать... – сказал я.

У мамы брови подскочили до самой причёски. Она стукнула пальцем по столу:

– Не смей вылизывать!

Я понял, что надо спастись.

– Что ты, мама? Я знаю, что вылизывать языком нельзя! Что я, собачонка, что ли! Я, мама, вылизывать никогда не буду, особенно при ком-нибудь. Я тебя спрашиваю: а вымазать? Хлебом?

– Нельзя! – сказала мама.

– Так я же не пальцем! Я хлебом! Мякишем!

– Отвяжись, – крикнула мама, – тебе говорят!

И у неё сделались зелёные глаза. Как крыжовник. И я подумал: ну её, эту подливку, не буду я её ни вылизывать, ни вымазывать, если мама из-за этого так расстраивается. Я сказал:

– Ну ладно, мама. Я не буду. Пусть пропадает.

– А вот, кстати, – сказал папа, – я серьёзно хочу тебя спросить...

– Спрашивай, – сказала мама, – ты ведь ещё хуже маленького.

– Нет, верно, – продолжал папа, – у нас, знаешь, иногда банкеты бывают, всякие там торжества... Так вот: ничего, если я иногда захвачу что-нибудь с собой? Ну, яблочко там или апельсин...

– Не сходи с ума! – сказала мама.

– Да почему же? – спросил папа.

– А потому, что сегодня ты унёс яблоко с собой, а завтра начнёшь винегрет в боковой карман запихивать!

– Да, – сказал папа и поглядел в потолок, – да, некоторые очень хорошо знают правила хорошего тона! Прямо профессора! Куда там!.. А как ты думаешь, Дениска, – папа взял меня за плечо и повернул к себе, – как ты думаешь, – он даже повысил голос, – если у тебя собрались гости и вдруг один надумал уходить... Как ты думаешь, должна хозяйка дома провожать его до дверей и стоять с ним в коридоре чуть не двадцать минут?

Я не знал, что ответить папе. Его это, видимо, очень интересовало, потому что он крепко сжал моё плечо, даже больно стало. Но я не знал, что ему ответить. А мама, наверное, знала, потому что она сказала:

– Если я его проводила, значит, так было нужно. Чем больше внимания гостям, тем, безусловно, лучше.

Тут папа вдруг рассмеялся. Как из песни про блоху:

– Ха-ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха! А я думаю, что он не умрет, если она не проводит его! Ха-ха-ха-ха-ха!

Папа вдруг взъерошил волосы и стал ходить туда-сюда по комнате, как лев по клетке. И глаза у него всё время вращались. Теперь он смеялся с каким-то

рывком: «Ха-ха! Ppp! Ха-ха! Pp!» Глядя на него, я тоже расхохотался:

– Конечно, не умрет! Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Тут случилось чудо. Мама встала, взяла со стола чашку, вышла на серёдку комнаты и аккуратно бросила эту чашку об пол. Чашка разлетелась на тысячу кусочков.

Я сказал:

– Ты что, мама? Ты это зачем?

А папа сказал:

– Ничего, ничего. Это к счастью! Ну, давай, Дениска, собирайся. Иди к Мишке, а то опоздаешь! Иди и не ешь рыбу ножом, не позорь фамилию!

Я собрал свои подарки и пошёл к Мишке. И мы там веселились вовсю. Мы подсакивали на диване чуть не до потолка. Мишка даже стал лиловый от этого подсакивания. А фамилию нашу я не опозорил, потому что

угощение было не обед или ужин, а лимонад и конфеты. Мы поели все конфеты, какие были, и даже ту коробочку съели, что я Мишке принёс в подарок. А вообще подарков Мишке понесли видимо-невидимо: и поезд, и книжки, и краски. И Мишкина мама сказала:

– Ох, сколько подарков у тебя, Мишук! А тебе какой больше всех нравится?

– Какой может быть разговор? Конечно, гусиное горло! И покраснел от удовольствия.

А я так и знал.

Хитрый способ

– Вот, – сказала мама, – полюбуйтесь! На что уходит отпуск? Посуда, посуда, три раза в день посуда! Утром мой чашки, а днём целая гора тарелок. Просто бедствие какое-то!

– Да, – сказал папа, – действительно, это ужасно! Как жалко, что ничего не придумано в этом смысле. Что смотрят инженеры? Да, да... Бедные женщины...

Папа глубоко вздохнул и уселся на диван. Мама увидела, как он удобно устроился, и сказала:

– Нечего тут сидеть и притворно вздыхать! Нечего всё валить на инженеров! Я даю вам обоим срок. До обеда вы должны что-нибудь придумать и облегчить мне эту проклятую мойку! Кто не придумает, того я отказываюсь кормить. Пусть сидит голодный. Дениска! Это и тебя касается. Намотай себе на ус!

Я сразу сел на подоконник и начал придумывать, как быть с этим делом. Во-первых, я испугался, что мама в самом деле не будет меня кормить и я, чего доброго, помру от голода, а во-вторых, мне интересно было что-нибудь придумать, раз инженеры не сумели. И я сидел и думал и искоса поглядывал на папу, как у него идут дела. Но папа и не думал думать. Он побрился, потом надел чистую рубашку, потом прочитал штук десять газет, а затем спокойненько включил радио и стал слушать какие-то новости за истекшую неделю.

Тогда я стал думать ещё быстрее. Я сначала хотел выдумать электрическую машину, чтобы сама мыла посуду и сама вытирала, и для этого я немножко развинтил наш электрополотёр и папину электробритву «Харьков». Но у меня не получалось, куда прицепить полотенце.

Выходило, что при запуске машины бритва разрежет полотенце на тысячу кусочков. Тогда я всё свинтил обратно и стал придумывать другое. И часа через два я вспомнил, что читал в газете про конвейер, и от этого я сразу придумал довольно интересную штуку. И когда наступило время обеда и мама накрыла на стол и мы все расселись, я сказал:

– Ну что, папа? Ты придумал?

– Насчёт чего? – сказал папа.

– Насчёт мойки посуды, – сказал я. – А то мама перестанет нас с тобой кормить.

– Это она пошутила, – сказал папа. – Как это она не будет кормить родного сына и горячо любимого мужа?

И он весело засмеялся. Но мама сказала:

– Ничего я не пошутила, вы у меня узнаете! Как не стыдно! Я уже сотый раз говорю – я задыхаюсь от посуды! Это просто не по-товарищески: самим сидеть на подоконнике и бриться и слушать радио, в то время как я укорачиваю свой век, без конца мою ваши чашки и тарелки.

– Ладно, – сказал папа, – что-нибудь придумаем! А пока давайте же обедать! О, эти драмы из-за пустяков!

– Ах, из-за пустяков? – сказала мама и прямо вся вспыхнула. – Нечего сказать, красиво! А я вот возьму и в самом деле не дам вам обеда, тогда вы у меня не так запоёте!

И она сжала пальцами виски и встала из-за стола. И стояла у стола долго-долго и всё смотрела на папу. А папа сложил руки на груди и раскачивался на стуле и тоже смотрел на маму. И они молчали. И не было никакого обеда. И я ужасно хотел есть. Я сказал:

– Мама! Это только один папа ничего не придумал. А я придумал! Всё в порядке, ты не беспокойся. Давайте обедать.

Мама сказала:

– Что же ты придумал?

Я сказал:

– Я придумал, мама, один хитрый способ!

Она сказала:

– Ну-ка, ну-ка...

Я спросил:

– А ты сколько моешь приборов после каждого обеда? А, мама?

Она ответила:

– Три.

– Тогда кричи «ура», – сказал я, – теперь ты будешь мыть только один! Я придумал хитрый способ!

– Выкладывай, – сказал папа.

– Давайте сначала обедать, – сказал я. – Я во время обеда расскажу, а то ужасно есть хочется.

– Ну что ж, – вздохнула мама, – давайте обедать.

И мы стали есть.

– Ну? – сказал папа.

– Это очень просто, – сказал я. – Ты только послушай, мама, как всё складно получается! Смотри: вот обед готов. Ты сразу ставишь один прибор. Ставишь ты, значит, единственный прибор, наливаешь в тарелку супу, садишься за стол, начинаешь есть и говоришь папе: «Обед готов!»

Папа, конечно, идёт мыть руки, и, пока он их моет, ты, мама, уже съедаешь суп и наливаешь ему нового, в свою же тарелку.

Вот папа возвращается в комнату и тотчас говорит мне: «Дениска, обедать! Ступай руки мыть!»

Я иду. Ты же в это время ешь из мелкой тарелки котлеты. А папа ест суп. А я мою руки. И когда я их вымою, я иду к вам, а у вас папа уже поел супу, а ты съела котлеты. И когда я вошёл, папа наливает супу в свою свободную глубокую тарелку, а ты кладёшь папе котлеты в свою пустую мелкую. Я ем суп, папа – котлеты, а ты спокойно пьёшь компот из стакана.

Когда папа съел второе, я как раз покончил с супом. Тогда он наполняет свою мелкую тарелку котлетами, а ты в это время уже выпила компот и наливаешь

папе в этот же стакан. Я отодвигаю пустую тарелку из-под супа, принимаюсь за второе, папа пьёт компот, а ты, оказывается, уже пообедала, поэтому ты берёшь глубокую тарелку и идёшь на кухню мыть!

А пока ты моешь, я уже проглотил котлеты, а папа – компот. Тут он живенько наливает в стакан компоту для меня и относит свободную мелкую тарелку к тебе, а я залпом выдуваю компот и сам несу на кухню стакан! Всё очень просто! И вместо трёх приборов тебе придётся мыть только один. Ура?

– Ура, – сказала мама. – Ура-то ура, только негигиенично!

– Ерунда, – сказал я, – ведь мы все свои. Я, например, нисколько не брезгую есть после папы. Я его люблю. Чего там... И тебя тоже люблю.

– Уж очень хитрый способ, – сказал папа. – И потом, что ни говори, а всё-таки гораздо веселее есть всем вместе, а не трёхступенчатым потоком.

– Ну, – сказал я, – зато маме легче! Посуды-то в три раза меньше уходит.

– Понимаешь, – задумчиво сказал папа, – мне кажется, я тоже придумал один способ. Правда, он не такой хитрый, но всё-таки...

– Выкладывай, – сказал я.

– Ну-ка, ну-ка... – сказала мама.

Папа поднялся, засучил рукава и собрал со стола всю посуду.

– Иди за мной, – сказал он, – я сейчас покажу тебе свой нехитрый способ. Он состоит в том, что теперь мы с тобой будем сами мыть всю посуду!

И он пошёл.

А я побежал за ним. И мы вымыли всю посуду. Правда, только два прибора. Потому что третий я разбил. Это получилось у меня случайно, я всё время думал, какой простой способ придумал папа.

И как это я сам не догадался?..

«Он живой и светится...»

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверное, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверное, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы все ещё не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались тёмные облака – они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы всё не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждёт меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял её сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

– Здорóво!

И я сказал:

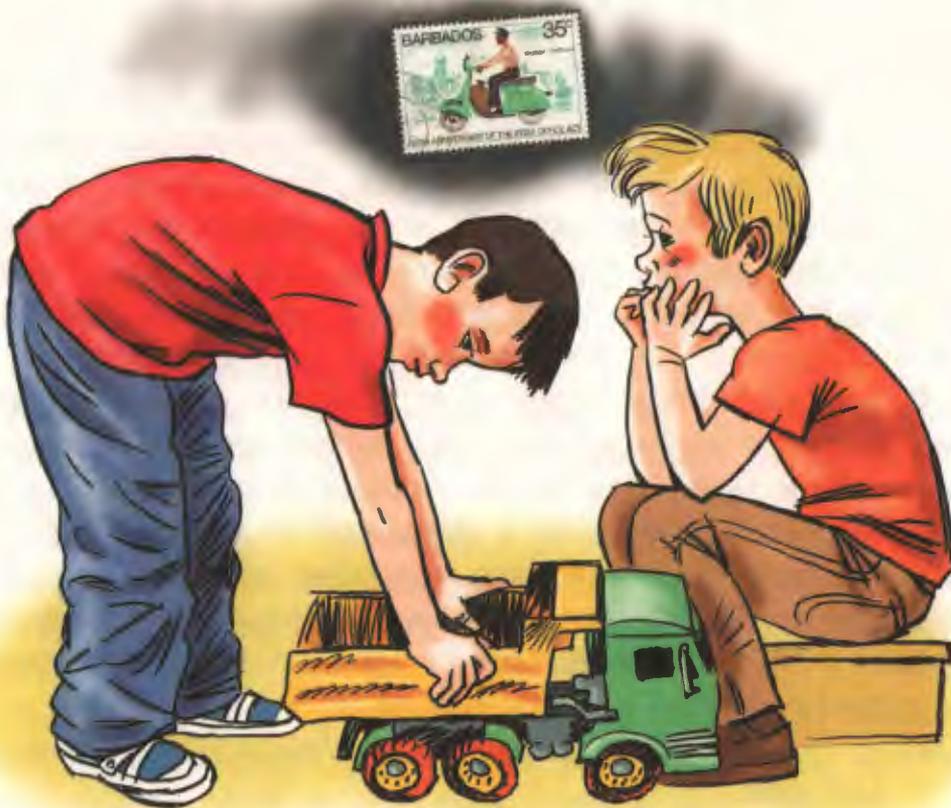
– Здорово!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

– Ого! – сказал Мишка. – Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Её можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

– Нет, не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало ещё темнее.

Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придёт мама. Но она всё не шла. Видно, встретила тётю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лёг на песок.

Тут Мишка говорит:

– Не дашь самосвал?

– Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

– Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

– Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

– Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

– Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

– Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

– А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

– Ну, была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял её в руки.

– Ты открой её, – сказал Мишка, – тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зелёный огонек, как

будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звёздочка и в то же время я сам держал её сейчас в руках.

– Что это, Мишка, – сказал я шёпотом, – что это такое?

– Это светлячок, – сказал Мишка. – Что, хорош? Он живой, не думай.

– Мишка, – сказал я, – бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звёздочку, я её домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зелёный, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит моё сердце, и чуть-чуть колело в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

– Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

– Я, мама, променял его.

Мама сказала:

– Интересно! А на что?

Я ответил:

– На светлячка! Вот он, в коробочке живёт. Погасит свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоём смотреть на бледно-зелёную звёздочку.

Потом мама зажгла свет.

– Да, – сказала она, – это волшебство! Но всё-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

– Я так долго ждал тебя, – сказал я, – и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

– А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

– Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

Подзорная труба

Я сидел на подоконнике, натянув рубашку на колени, потому что штаны были у мамы.

– Нет, – сказала мама и отодвинула в сторону нитки с иглой. – Я не могу больше с этим мальчишкой!

– Да, – сказал папа и сложил газеты. – На нём всё черти рвут. Он лазает по заборам, он скачет по деревьям и носится по крышам. На него не напасёшься!

Папа помолчал, зловеще поглядел на меня и наконец решительно объявил:

– Но я наконец придумал средство, которое раз и навсегда избавит нас от этого бедствия.

– Я не нарочно, – сказал я. – Что я, нарочно, что ли, да? Оно само.

– Конечно, оно само, – ядовито сказала мама. – У твоих штанов такой скверный характер, что они нарочно целыми днями подстерегают каждый гвоздик, цепляются за него и потом рвутся специально для того, чтобы позлить твою маму. Вот какие коварные штаны! Оно само! Оно само!

Мама могла так кричать «оно само» до утра, потому что у неё уже разыгрались нервы, это было видно невооруженным глазом. Поэтому я сказал папе:

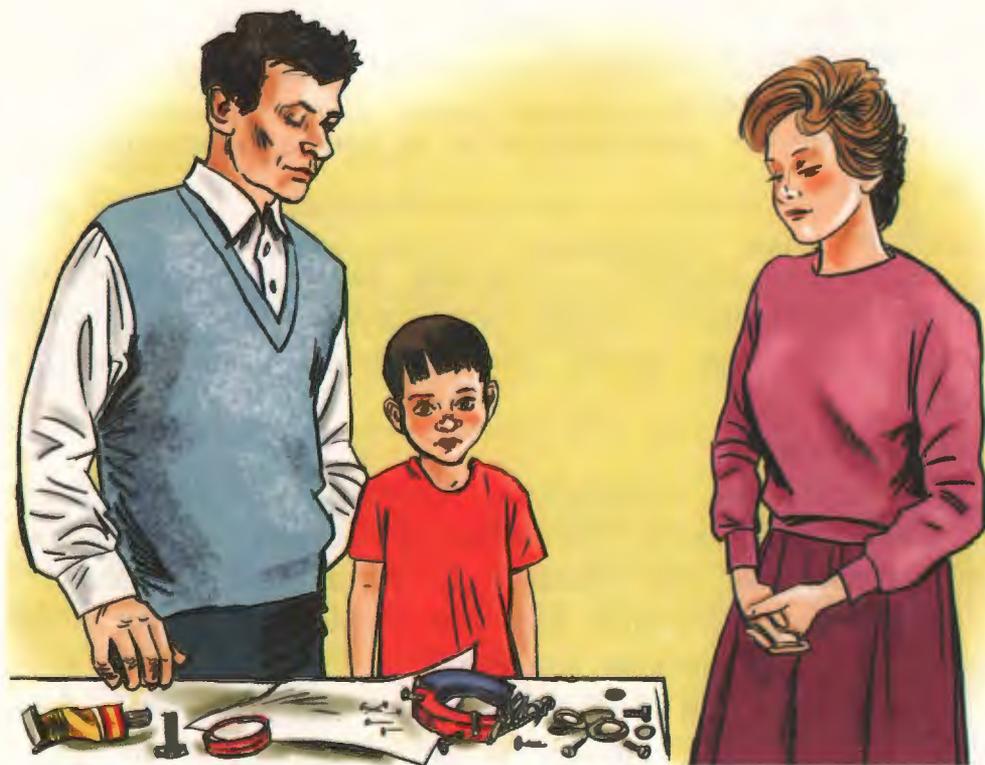
– Ну, так что же ты придумал?

Папа сделал строгое лицо и сказал маме:

– Тебе нужно напрячь все свои способности и изобрести аппарат, который обеспечивал бы тебе наблюде-

ние за твоим сыном в часы отсутствия. Мне сегодня некогда, сегодня «Спартак» – «Торпедо», а ты, ты садись к столу и, не теряя времени, изобрети сейчас же подзорную трубу. У тебя это очень хорошо получится, я знаю, что ты человек в этом отношении весьма талантливый.

Папа встал, порылся у себя в столе и положил перед мамой маленькое зеркальце с отбитым уголком, довольно большой магнит и несколько разных гвоздочков, пуговицу и ещё чего-то.

– Вот, – сказал он, – это тебе необходимые материалы. В поиск, смелые и любознательные!

Мама проводила его к дверям, потом вернулась и отпустила и меня во двор погулять. А когда мы вечером все сошлись за ужином, у мамы были перепачканы клеём пальцы, и на столе лежала довольно симпатичная синенькая и толстая труба. Мама взяла её, издалека показала мне и сказала:

– Ну, Денис, смотри внимательно!

– Это что? – спросил я.

– Это подзорная труба! Моё изобретение! – ответила мама.

Я сказал:

– Окрестности озирать?

Она улыбнулась:

– Никакие не окрестности! А за тобой присматривать.

Я сказал:

– А как?

– А очень просто! – сказала мама. – Я изобрела и сконструировала подзорную трубу для родителей, вроде подзорной трубы для моряков, только гораздо лучше.

Папа сказал:

– Ты объясни, пожалуйста, популярно, в чём тут дело, какие принципы положены в основу изобретения, какие проблемы оно решает, ну, и так далее. Прошу!

Мама встала у стола, как учительница у доски, и заговорила докладческим голосом:

– Теперь, когда я буду уходить из дому, я всегда буду видеть тебя, Денис. Я могу удаляться от дома

на расстояние от пяти до восьми километров, но чуть я почувствую, что давно тебя не видела и что мне интересно, что ты сейчас вытворяешь, я сразу – чик! Направляю свою трубу в сторону нашего дома – и готово! – вижу тебя во весь рост.

Папа сказал:

– Отлично! Эффект Шницель–Птуцера!

Тут я немножко оторопел. Я никогда не думал, что мама может изобрести такую штуку. Ведь такая с виду худенькая, а смотри-ка! Эффект Шницель–Птуцера!

Я сказал:

– А как же, мама, ты будешь знать, где наш дом?

Она ответила, нисколько не задумываясь:

– А у меня в трубе сидит компасный магнит. Он всегда показывает на наш дом.

– Реакция Бабкина–Няньского, – сказал папа.

– Совершенно верно, – продолжала мама. – Таким образом, если ты, Денис, заберёшься на забор или ещё куда, это мне сразу будет видно.

Я сказал:

– А там у тебя что? Экран, что ли?

Она ответила:

– Конечно. Помнишь зеркальце? Оно отбрасывает твоё изображение прямо мне внутрь головы. Я сразу вижу, стреляешь ты из рогатки или просто так мяч гоняешь, безо всякого смысла.

– Обыкновенный закон Кранца–Ничиханца. Ничего особенного, – проворчал папа и вдруг, оживившись,

спросил: – Прости, прости, пожалуйста, я перебую тебя. Один вопросик можно?

– Да, задавай, – сказала мама.

– Твоя подзорная труба что, она работает на электричестве или на полупроводниках?

– На электричестве, – сказала мама.

– О, тогда я тебя предупреждаю, – сказал папа, – ты берегись замыканий. А то где-нибудь замкнёт, и у тебя в мозгах произойдёт вспышка.

– Не произойдёт, – сказала мама. – А предохранитель на что?

– Ну, тогда другое дело, – сказал папа. – Но ты всё-таки поглядывай, а то, знаешь, я буду волноваться.

Я сказал:

– Ну, а ты можешь сделать такую штуку для меня? Чтобы и я мог за тобой присматривать?

– А это зачем? – снова улыбнулась мама. – Я-то уж наверняка не полезу на забор!

– Это ещё неизвестно, – сказал я, – может быть, на забор ты и не станешь карабкаться, но, может быть, ты за машины цепляешься? Или скачешь перед ними, как коза?

– Или с дворниками дерёшься? И вступаешь в пререкания с милицией? – поддержал меня папа и вздохнул: – Да, жалко, нет у нас такой машинки, чтобы нам за тобой наблюдать...

Но мама показала нам язык:

– Изобретено и выполнено в единственном экземпляре, что, взяли? – она повернулась ко мне: – Так что

Шницель-Пруцкер

Бабкин-
Няньский

Кранц-Пачуханц

знай, теперь я всё время держу тебя под своим неусыпным контролем!

И я подумал, что при таком изобретении у меня начинается довольно кислая жизнь. Но ничего не сказал, а кивнул и потом пошёл спать. А когда проснулся и стал жить, то понял, что для меня наступили чёрные дни. При мамином изобретении получалось, что моя жизнь превращается в сплошное мучение. Вот, например,образишь, что Костик за последнее время уж очень разнахалился и самая пора ему как следует накостылять по шее, а вот не решаешься, так и кажется, что подзорная мамина труба уставилась тебе прямо в спину. И наподдать Костику как следует просто невозможно в таких условиях. Я уж не говорю о том, что я вовсе перестал ходить на Чистые пруды, чтобы ловить там себе головастиков полные карманы. И вся моя счастливая, весёлая прежняя жизнь теперь стала запретной для меня.

И так тоскливо тянулись мои дни, что я таял, как свеча, и места себе не находил. И дело, уж наверное, просто приближалось к печальному концу, как вдруг однажды, когда мама ушла, я стал искать свою старую футбольную камеру, и в ящике, где у меня хранится всякая утильная хурда-бурда, я вдруг увидел... мамину подзорную трубу! Да, она лежала среди прочего мусора, какая-то осиротелая, облупившаяся, тусклая. По всему было видно, что мама уже давно ею не пользуется, что она про неё и думать-то забыла. Я схватил её и расковырял поскорее, чтобы взглянуть, что у неё

на чердак и на крышу, а потом карабкались на деревья, а потом спустились в подвал, в котельную, в самый уголь, и извозились там просто до умопомрачения. И всё это время я чувствовал, что у меня словно камень с души свалился. И хорошо было, и свободно на душе, и легко, и весело, как на Первое мая.

Чики-брык

Я недавно чуть не помер. Со смеху. А всё из-за Мишки. Один раз папа сказал:

– Завтра, Дениска, поедem пастись на травку. Завтра и мама свободна, и я тоже. Кого с собой захватим?

– Известное дело кого – Мишку.

Мама сказала:

– А его отпустят?

– Если с нами, то отпустят. Почему же? – сказал я. – Давайте я его приглашу.

И я сбегал к Мишке. И когда вошёл к ним, сказал: «Здрaсте!» Его мама мне не ответила, а сказала его папе:

– Видишь, какой воспитанный, не то что наш...

А я им всё объяснил, что мы Мишку приглашаем завтра погулять за городом, и они сейчас же ему разрешили, и на следующее утро мы поехали.

В электричке очень интересно ездить, очень!

Во-первых, ручки на скамейках блестят. Во-вторых, тормозные краны – красные, висят прямо перед глаза-

ми. И сколько ни ехать, всегда хочется дёрнуть такой кран или хоть погладить его рукой. А самое главное – можно в окошко смотреть, там специальная приступочка есть. Если кто не достаёт, можно на эту приступочку встать и высунуться.

Мы с Мишкой сразу заняли окошко, одно на двоих, и было здорово интересно смотреть, что вокруг растёт совершенно новенькая трава и на заборах висит разноцветное бельишко, красивое, как флажки на кораблях.

Но папа и мама не давали нам никакого житья.

Они поминутно дёргали нас сзади за штаны и кричали:

– Не высовывайтесь, вам говорят! А то вывалитесь!

Но мы всё высовывались. И тогда папа пустился на хитрость. Он, видно, решил во что бы то ни стало отвлечь нас от окошка. Поэтому он скорчил смешную гримасу и сказал нарочным, цирковым голосом:

– Эй, ребятня! Занимайте ваши места! Представление начинается!

И мы с Мишкой сразу отскочили от окна и уселись рядом на скамейке, потому что мой папа известный шутник, и мы поняли, что сейчас будет что-то интересное. И все пассажиры, кто был в вагоне, тоже повернули головы и стали смотреть на папу. А он как ни в чём не бывало продолжал свое:

– Уважаемые зрители! Сейчас перед вами выступит непобедимый мастер чёрной магии, сомнамбулизма и каталепсии!!! Всемирно известный фокусник-иллюзионист, любимец Австралии и Малаховки, пожиратель шпаг, консервных банок и перегоревших электроламп, профессор Эдуард Кондратьевич Кио-Сию! Оркестр – музыку! Траби-бо-бум-ля-ля! Тра-би-бо-бум-ля-ля!

Все уставились на папу, а он встал перед нами с Мишкой и сказал:

– Нумер смертельного риска! Отрыванье живого пальца на глазах у публики! Нервных просят не падать на пол, а выйти из зала. Внимание!

И тут папа сложил руки как-то так, что нам с Мишкой показалось, будто он держит себя правой рукой за левый большой палец. Потом папа весь напрягся, покраснел, сделал ужасное лицо, словно он умирает от боли, и вдруг он разозлился, собрался с духом и...

оторвал сам себе палец! Вот это да!.. Мы сами видели... Крови не было. Но и пальца не было! Было гладкое место. Даю слово!

Папа сказал:

– Вуаля!

Я даже не знаю, что это значит. Но всё равно я захопал в ладоши, а Мишка закричал «бис!».

Тогда папа взмахнул обеими руками, полез к себе за шиворот и сказал:

– Але-оп! Чики-брык!

И приставил палец обратно! Да-да! У него откуда-то вырос новый палец на старом месте! Совсем такой же, не отличишь от прежнего, даже чернильное пятно и то такое же, как было! Я-то, конечно, понимал, что это какой-то фокус и что я во что бы то ни стало визнаю у папы, как он делается, но Мишка совершенно ничего не понимал. Он сказал:

– А как это?

А папа только улыбнулся:

– Много будешь знать – скоро состаришься!

Тогда Мишка сказал жалобно:

– Пожалуйста, повторите ещё разок! Чики-брык!

И папа опять всё повторил, оторвал палец и приставил, и опять было сплошное удивление. Затем папа поклонился, и мы подумали, что представление окончилось, но оказалось, ничего подобного. Папа сказал:

– Ввиду многочисленных заявок, представление продолжается! Сейчас будет показано втирание звонкой монеты в локоть факира! Маэстро, трибо-би-бум-ля-ля!

И папа вынул монетку, положил её себе на локоть и стал тереть этой монеткой о свой пиджак. Но она никуда не втиралась, а всё время падала, и тогда я стал насмехаться над папой. Я сказал:

– Эх, эх! Ну и факир! Прямо горе, а не факир!

И все рассмеялись, а папа сильно покраснел и закричал:

– Эй ты, гривенник! Втирайся сейчас же! А то я тебя сейчас отдам вон тому дядьке за мороженое! Будешь знать!

И гривенник как будто испугался папы и моментально втёрся в локоть. И исчез.

– Что, Дениска, съел? – сказал папа. – Кто тут кричал, что я горе-факир? А теперь смотри: феерия-пантомима! Вытаскивание разменной монеты из носа прекрасного мальчика Мишки! Чики-брык!

И папа вытащил монету из Мишкиного носа. Ну, товарищи, я и не знал, что мой папа такой молодец! А Мишка прямо засиял от гордости. Он весь расслаился от удовольствия и снова закричал папе во все горло:

– Пожалуйста, повторите ещё разик чики-брык!

И папа опять всё ему повторил, а потом мама сказала:

– Антракт! Переходим в буфет.

И она дала нам по бутерброду с колбасой. И мы с Мишкой вцепились в эти бутерброды, и ели, и болтали ногами, и смотрели по сторонам. И вдруг Мишка ни с того ни с сего заявляет:

– А я знаю, на что похожа ваша шляпа.

Мама говорит:

– Ну-ка скажи – на что?

– На космонавтский шлем.

Папа сказал:

– Точно. Ай да Мишка, верно подметил! И правда, эта шляпка похожа на космонавтский шлем. Ничего не поделаешь, мода старается не отставать от современности. Ну-ка, Мишка, иди-ка сюда!

И папа взял шляпку и нахлобучил Мишке на голову.

– Настоящий Попович*! – сказала мама.

* Имеется в виду советский космонавт Павел Попович.

А Мишка действительно был похож на маленького космонавтика. Он сидел такой важный и смешной, что все, кто проходил мимо, смотрели на него и улыбались.

И папа улыбался, и мама, и я тоже улыбался, что Мишка такой симпатяга. Потом нам купили по мороженому, и мы стали его кусать и лизать, и Мишка быстрее меня справился и пошёл снова к окошку. Он схватился за раму, встал на приступочку и высунулся наружу.

Наша электричка бежала быстро и ровно, за окном пролетала природа, и Мишке, видать, хорошо там было торчать в окошке с космонавтским шлемом на голове, и больше ничего на свете ему не нужно было, так он был доволен. И я захотел стать с ним рядом, но в это время мама подтолкнула меня локтем и показала глазами на папу.

А папа тихонько встал и пошёл на цыпочках в другое отделение, там тоже окошко было открыто, и никто в него не глядел. У папы был очень таинственный вид, и все кругом притихли и стали следить за папой. А он неслышными шагами пробрался к этому окошку, высунул голову и тоже стал смотреть вперёд, по ходу поезда, туда же, куда смотрел и Мишка. Потом папа медленно-медленно высунул правую руку, осторожно дотянулся до Мишки и вдруг с быстротой молнии сорвал с него мамину шляпку! Папа тут же отпрыгнул от окошка и спрятал шляпку за спину, он там её заткнул за пояс. Я всё это очень хорошо видел. Но Мишка-то этого не видел! Он схватился за голову, не нашёл там маминую шляпку, испугался, отскочил

от окна и с каким-то ужасом остановился перед мамой. А мама воскликнула:

– В чём дело? Что случилось, Миша? Где моя новая шляпка? Неужели её сорвало ветром? Ведь я говорила тебе: не высовывайся. Чужало моё сердце, что я останусь без шляпки! Как же мне теперь быть?

И мама закрыла лицо руками и задёргала плечами, как будто она горько плачет. На бедного Мишку просто жалко было смотреть, он лепетал прерывающимся голосом:

– Не плачьте... пожалуйста. Я вам куплю шляпку... У меня деньги есть... Сорок семь копеек. Я на марки собирал...

У него задрожали губы, и папа, конечно, не мог этого перенести. Он сейчас же состроил свою смешную рожицу и закричал цирковым голосом:

– Граждане, внимание! Не плачьте и успокойтесь! Ваше счастье, что вы знакомы со знаменитым волшебником Эдуардом Кондратьевичем Кио-Сию! Сейчас будет показан грандиозный трюк: «Возврат шляпы, выпавшей из окна голубого экспресса». Приготовились! Внимание! Чики-брык!

И у папы в руках оказалась мамина шляпка. Даже я и то не заметил, как проворно папа вытащил её из-за спины. Все прямо ахнули! А Мишка сразу посветлел от счастья. Глаза у него от удивления полезли на лоб. Он был в таком восторге, что просто обалдел. Он быстро подошёл к папе, взял у него шляпку, побежал обратно и что есть силы по-настоящему швырнул её за окно. Потом он повернулся и сказал моему папе:

– Пожалуйста, повторите ещё разик... чики-брык!

Вот тут-то и получилось, что я чуть не помер со смеху.

Содержание

Тайное становится явным	3
Надо иметь чувство юмора	8
Рыцари	13
Друг детства	20
Гусиное горло	25
Хитрый способ	35
«Он живой и светится...»	41
Подзорная труба	46
Чики-брык	54

Драгунский В. Ю.

Д72 Папа, мама и я / Виктор Драгунский ; худож. А. Шевченко. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2016. – 64 с. : ил. – (Детвора).

ISBN 978-5-91921-363-5

Всё-таки Дениске Кораблёву очень повезло с родителями! Его папа умеет сочинять удивительные задачки и показывать фокусы. А мама запросто может изобрести чудо-прибор, который будет наблюдать за сыном в её отсутствие, и не станет ругать ребёнка, если тот выменяет новенький самосвал на светлячка.

В дружной семье тем не менее случаются курьёзы и приключения. Но Дениске интересно переживать их вместе с родителями...

Для младшего школьного возраста.

УДК 82-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Драгунский Виктор Юзефович

Папа, мама и я

Художественный редактор *А. Н. Корниенко*
Технический редактор *Н. В. Савостьянова*
Компьютерная верстка *А. Ю. Анненкова*
Корректор *М. В. Серебрянцева*

Подписано в печать 11.03.2016.

Формат 70×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Усл. печ. л. 4,68. Тираж 4000 экз. Изд. № 1283. Заказ № ВЗК-01366-16.

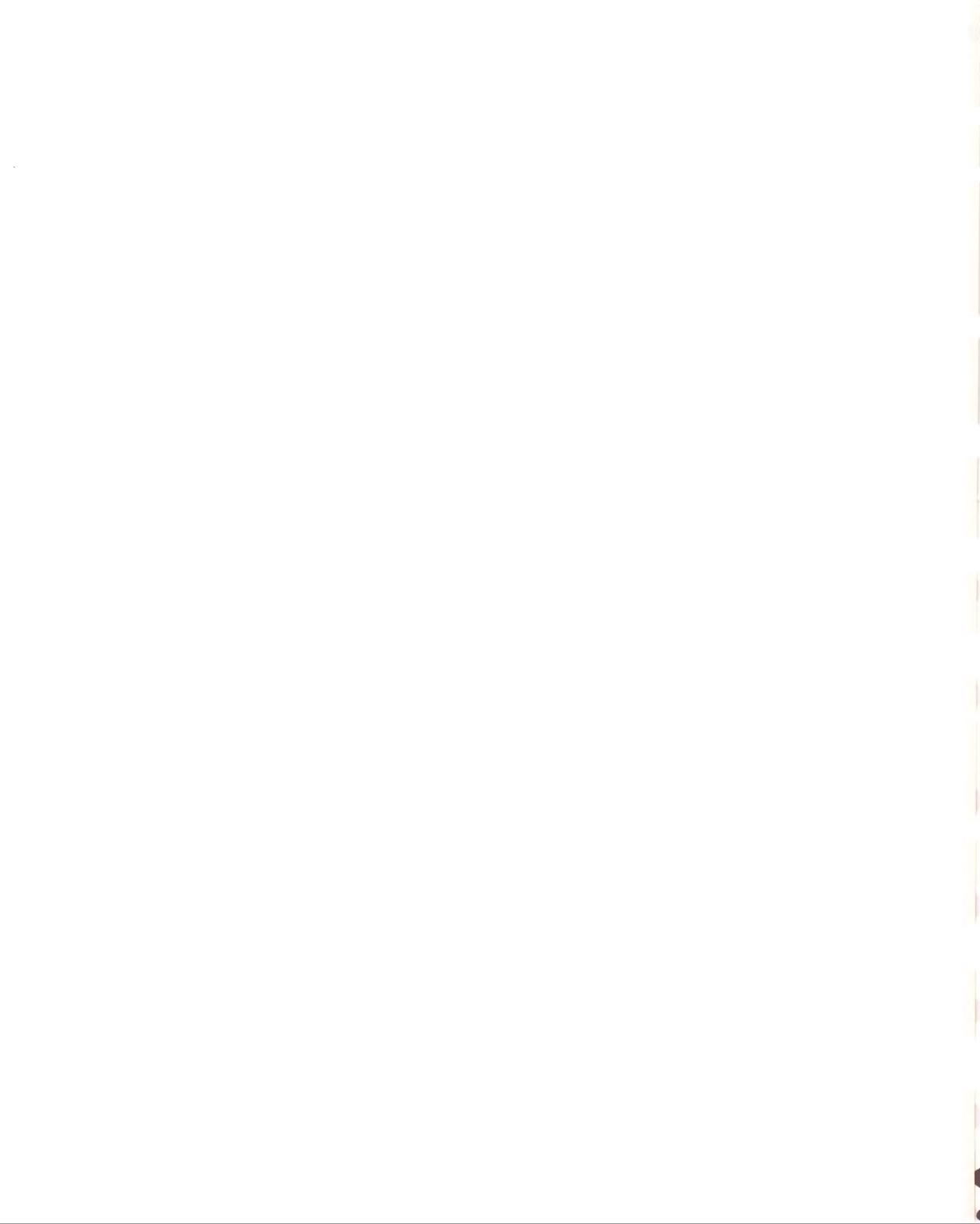
ЗАО «ЭНАС-КНИГА».
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru
<http://www.enas.ru>

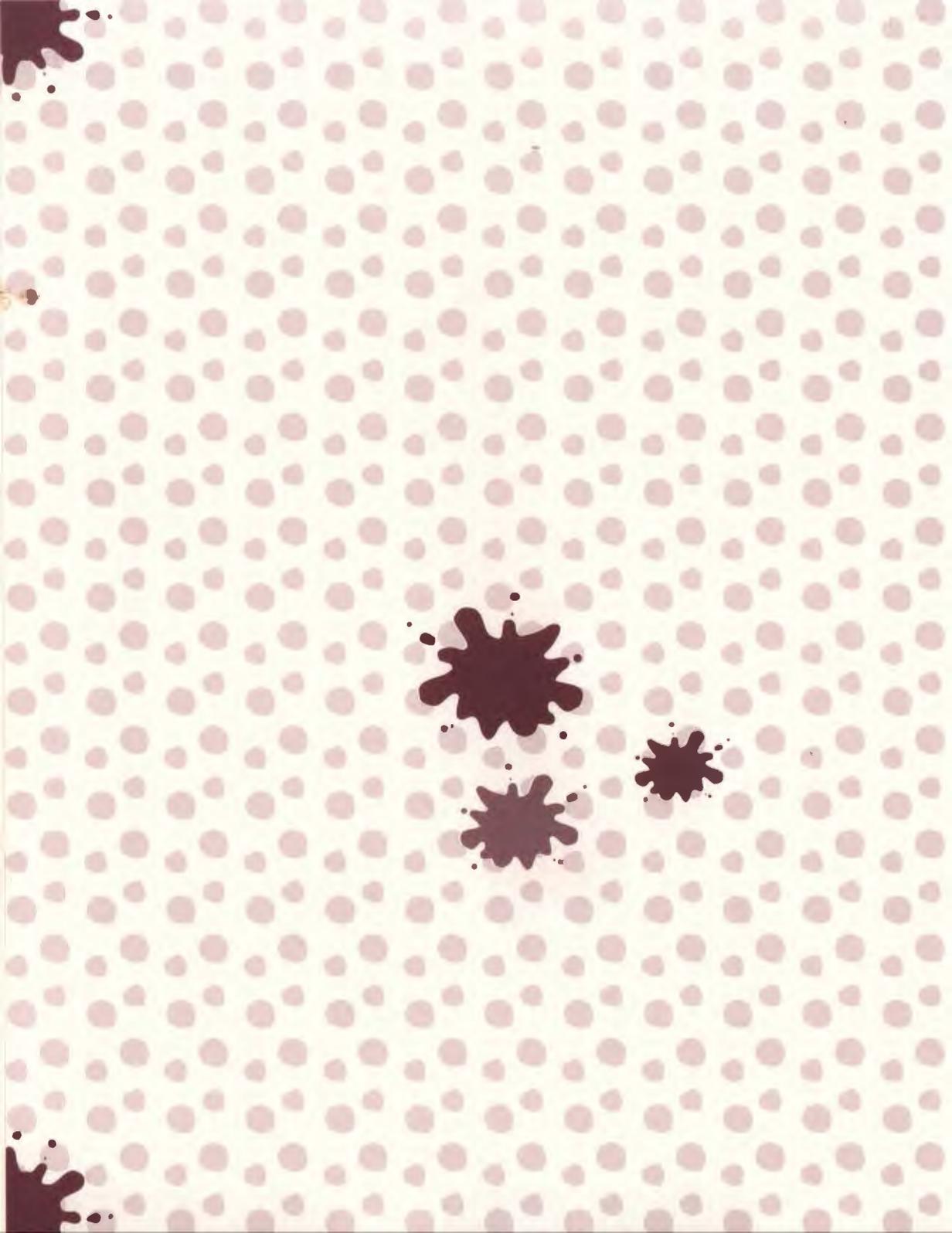
Обсуждение книг в сообществах

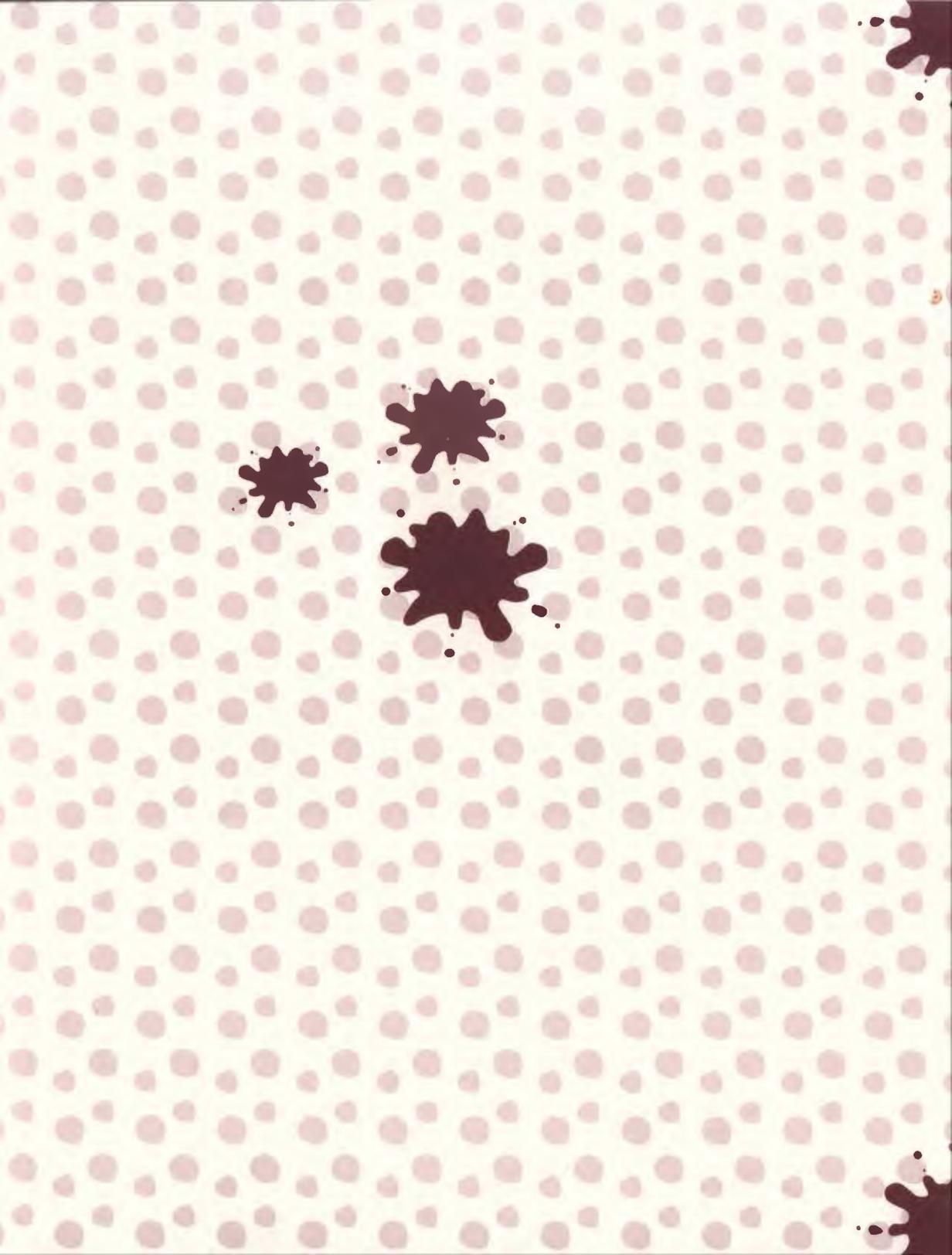
- [facebook.com/enas.kniga](https://www.facebook.com/enas.kniga)
- vk.com/enas.kniga
- ok.ru/enas.kniga

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати - ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

ISBN 978-5-91921-363-5

9 785919 213635